

— Не знаю, не знаю, — выслушав мое мнение, улыбнулся Регимантас АДОМАЙТИС. — Вряд ли меня можно назвать одиноким. А вот насчет характера вы правы. Я с детства очень закрытый человек. В то время, когда мои сверстники хулиганили и играли, я дома читал книги — те, что задавали по школьной программе. На каждые летние каникулы составлял себе расписание: тогда-то я занимаюсь французским, тогда-то — читаю научно-популярную литературу, потом учу математику, физику и так далее.

— И вам не было скучно?

— Мне было интересно! Я получал удовольствие от того, что преодолевал трудности и в чем-то превосходил себя. Правда, потом такое умственное перенапряжение не замедлило сказаться на здоровье — я заработал гипертонию, однако и сейчас рациональное во мне берет верх над эмоциональным. Это, конечно, не

Сколько им сейчас лет, чем они занимаются?

— Старшему, Витаутасу, двадцать два года, и он студент гуманитарного колледжа в Калифорнии. До этого учился на философском факультете Вильнюсского университета.

— Вы платите за учебу сына?

— Что вы! Это пятнадцать — двадцать тысяч долларов в год. Откуда такие деньги? Просто Литва выхлопотала несколько мест для своих студентов, и сын попал на одно из них. Но за еду и крышу над головой ему приходится работать: убирать в колледже, что-то мастерить, красить. По три часа в день.

— Кем же Витаутас собирается стать?

— Политологом. Он прав, конечно. Эту науку надо изучать за границей. У наших политиков учиться нечему.

— Ну а остальные двое?

— Они еще школьники. Гедминас в этом году закончит

мыкаюсь, молчу и жду разрядки — опять-таки внутренней. Обиды как-то и затихают.

А вообще, хочу сказать, такое различие характеров и держит нас с женой до сих пор вместе. Именно оно дает ощущение, что наши отношения — не мертвое, заросшее мхом болото, а что-то живое, развивающееся. Это очень важно.

— Часто ли вы дарите жене цветы?

— К сожалению, нет. Я почему-то всегда считал, что такие вещи не имеют особого значения.

— А о любви Евгения говорите?

— Зачем? Это и так ясно, без слов.

— Ваша жена — ревнивая женщина?

— Раньше я часто уезжал из дома: разные экспедиции, съемки. Но жена всегда с пониманием относилась к моим отлучкам. Она знала: поводов для ревности я ей никогда не дам. То же самое можно сказать и о ней.

— Есть ли в вашей семье явный лидер?

— Нет, у нас в этом смысле полное равновесие. И мне это очень нравится, хотя, может, женщинам и несвойственна самостоятельность. Они больше любят, чтобы ими руководили. Об этом я уже и по своей жене. Мы оба всегда хотели, чтобы Евгения могла полностью реализоваться в своей профессии. Но вот парадокс: ей такая самостоятельность в тягость. Я замечаю: жене хочется от меня зависеть, быть слабой. Однако ее амбициозность мешает это сделать.

— Регимантас, а вы помните свою первую любовь?

— Конечно, это было еще в школе, в младших классах. Мы тогда жили в маленькой деревушке, до школы надо было идти четыре километра. Все классы учились в одной комнате. Вот тогда я и влюбился. Нет, за косички ее не дергал, портфели тоже не носил. Я дарил ей конфеты и перья павлина, который жил у соседей.

Потом я начал ходить в другую школу и там влюбился во второй раз. Эта любовь была уже молчаливой. Я вдруг резко стал робеть, стесняться проявлять свои чувства. Поэтому на сей раз отношения развивались только в моем воображении. Я был настолько поглощен этой выдуманной жизнью, что другой уже и не представлял.

— Даже будучи студентом?

— В университете все было совсем по-другому. Я довольно долго встречался с одной девушкой: дарил ей цветы, водил по кино — на кафе денег не хватало. Чего только у нас не было! Мы много раз расходились и снова сходились, но семьи у нас так и не получилось.

— Эта любовь была серьезной или юношеской?

— Каждая любовь в моей жизни была серьезной. Каждая девушка оставила свой след в моем сердце.

— И каждая любовь была счастливой?

— Да, хотя, как мне всегда казалось, я переживал каждую свою влюбленность, как неосуществленную. Это, наверное, и толкнуло меня в нереальную сферу воображения, в творчество.

— Как странно. Я всегда считала, что человек такого обаяния, как вы, не может испытывать неразделенные чувства.

— Как видите, может. Не исключаю того, что женщины в меня влюблялись, но, признаюсь, я этого не замечал. Разве только по письмам. Они идут до сих пор. Но, думаю, эти дамы влюблены в моих экранных героев, а не в актера, который их играет. А между нами — большая разница. Я в жизни совсем другой. Вот, например, увидела одна женщина в тюрьме какой-то фильм с моим участием. Стала забрасывать письмами с признаниями в любви. Я сделал глупость — ответил. Думаю: жалко человека, на десять лет осуждена. А она, видно, решила, что я тоже питаю к ней чувства. Воображение разыгралось. Что тут началось!

— Регимантас, а какие качества вас больше всего привлекают в женщине?

— Прежде всего, пожалуй, красота. А потом... наверное, глупость. Не абсолютная, понятно. Правится мне кокетство, непредсказуемость поведения, как, например, у моей жены. Нежность, женственность, мягкость, уступчивость. Словом, все чисто женские черты. Но ни в коем случае не вредность и не ум. Не люблю я и серьезных дам. Я сам очень серьезный, а это скучно.

— Чем сейчас вы заняты, кроме семьи?

— По-прежнему работаю в академическом драмтеатре Литвы, но теперь на контракте. Уже больше года.

— А в кино снимаетесь?

— В этом году был занят только в одной картине — «Волчья кровь», где играю белого офицера. Сейчас вообще уменьшилось количество предложений. Наверное, возраст — мне ведь уже скоро шестьдесят...

Ирина МАСТЫКИНА.

Фото ИТАР — ТАСС.

Регимантас Адомайтите:

За что я люблю женщин? За глупость!

Конец правды. 1994-19 ноября. - с. 6.

Он всегда казался мне глубоко одиноким. Человеком в себе. Может быть, в том повинны его чисто нордические замкнутость и немногословие?

значит, что я равнодушный человек. Просто все свои эмоции всегда держу при себе и никогда ничего не предпринимаю споря, под влиянием импульса. Только когда остыну — действую, прежде много раз отмерив.

— Наверное, вы очень сильный человек?

— Не думаю. Это в кино я играю волевых личностей. Но, может быть, бумага, холст, кино и существуют для того, чтобы восполнять свои изъяны, что-то недостающее?

— Но вы и на экране держитесь как-то особняком, предпочитая одиночество шумным компаниям. Не устаєте от общения только с самим собой?

— Наша жизнь и без того наполнена суетой. Хочется покоя. Если бы у меня были другие способности, я бы и профессию выбрал другую — рисовал бы или писал что-то в одиночестве. Коллектив немножко не по моему характеру. Но так уж случилось, что я заболел театром. Не знаю, откуда эта болезнь. Может, следствие отсутствия других талантов?

— Но вы же когда-то учились на физмате Вильнюсского университета...

— Учился. Но мы с наукой друг друга не полюбили. Любовь к театру переборола.

— В вашей жизни все происходило по любви?

— Абсолютно. Любовь — это основа, фундамент, на котором все строится. По любви я пришел в свою профессию, по любви создал семью, которая и сейчас держится на ней.

— Говорят, у вас с женой было романтическое знакомство. Кажется, на съемках фильма?

— Да, мы снимались в одной картине. И это была любовь с первого взгляда. Я как только увидел Евгению, сразу почувствовал притяжение к ней. С тех пор мы не расставались.

— Ваша жена актриса?

— Камерная певица, работает в филармонии. Раньше еще снималась в кино. Потом стало некогда — появились дети. Если б не я и сыновья, жена могла бы достичь в своей профессии большего, но принесла себя в жертву нашей семье.

— А вам приходилось чем-то жертвовать ради любви?

— Пожалуй, только однажды, после знакомства с Евгенией. Тогда я почему-то считал, что создать семью — значит пожертвовать не только свободой, но и целью, профессией. Максималист был какой-то. Поэтому мне пришлось сильно ломать себя, создавая семью. С годами, конечно, мои взгляды изменились — все стало важным одинаково.

— У вас трое сыновей.

школу, он в двенадцатом классе, а Миндальгас еще в девятом.

— Вы их воспитывали в любви или в строгости?

— Я очень нестрогий отец. Считаю: что намечено, «задано» человеку, то и произойдет. Нечего вмешиваться. Это, разумеется, не значит, что я отрицаю роль воспитания. Случалось — и бил, и ругал своих детей, но потом сильно об этом жалел.

— Ваша жена тоже сторонница такой же системы?

— О, нет. Она более строгая. Тут мы с ней расходимся. Я доказываю, что нельзя детям на каждом шагу указывать, нельзя ежесекундно довлеть над ними, а Евгения со мной спорит.

— Вы постоянно заняты работой. Ваша жена, знаю, тоже сейчас ездит по стране с концертами. Детей оставляете на это время одних?

— Естественно. Домработница и няня у нас не было никогда. Но сейчас проще: дети уже взрослые. Хотя по-прежнему мы за них переживаем. Готовить они, конечно, умеют: и блины могут напечь, и кашу сварить, но ленятся. Когда мы в отлучке, так и сидят полуголодные: в лучшем случае — на яичнице, в худшем — на одном хлебе.

— А вы, когда остаетесь без жены, чем-нибудь вкусненьким их балуете?

— Что вы! Без жены у нас и на завтрак, и на обед, и на ужин одна яичница. Готовить я не умею и не люблю. А вот посуду мою часто, квартиру убираю тоже. Могу и в магазин сходить. Детям я тоже пытаюсь внушить, что нет женской и мужской работы, надо уметь делать все. Но они пока этого не понимают. Чего только не придумают, чтобы только увильнуть от помощи!

— А кто занимается вашей дачей?

— Я сам. Копаться в земле — мое самое любимое занятие. Поэтому я и в отпуск никуда не езжу: отдыхаю на даче, в огороде.

— Регимантас, по характеру вы — уравновешенный, рассудительный человек. Евгения, наоборот, эмоциональна, вспыльчива. Как уживаются две такие разные индивидуальности в течение вот уже двадцати пяти лет?

— О! Чего только не было в нашей совместной жизни за эти годы! И до развода неоднократно доходило. Но, слава Богу, мы пережили эти моменты, переступили через них. Отчасти благодаря жене — она всегда первой делала шаг к примирению, потому что я на такое не способен. Отчасти благодаря мне. Ни ссориться, ни конфликтовать я не могу — тяжело. Поэтому, когда недовольство Евгенией накапливается, я за-